

A portrait of Vasiliy Lyagoskin, a Russian explorer, wearing a fur hat and a dark tunic with white leaf-like patterns. The background is a deep blue. The painting shows signs of age with some cracking.

Василий Лягоскин

Китайский вояж

Третья история из цикла: «Ах, уж эти мужики!»

Василий Лягоскин
Китайский вояж. Третья
история из цикла:
«Ах, уж эти мужики!»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23932425
ISBN 9785448511578*

Аннотация

Новое путешествие – полное приключений и опасностей – ждет шестерку красавиц. На этот раз всех ведет за собой Дездемона – ведь новый вояж начинается в ее родной Венеции. Но ни она, и никто из ее подруг не задались вопросом: «А куда могла занести судьба-злодейка представителя почтенного торгового дома?». Может, на другой край земли – туда, откуда многие не возвращаются...

Китайский вояж

Третья история из цикла: «Ах, уж эти мужики!»

Василий Лягоскин

© Василий Лягоскин, 2017

ISBN 978-5-4485-1157-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*О, светлая улыбка, что в упор,
Неосторожного, меня сразила!
Душа, что если б раньше в мир ступила,
Могла бы царственный носить убор*

Офицер полиции моргнул, и смущенно потупился. Может, он действительно разглядел, что в душе Валентины Степановны Кошкиной сейчас метали громы и молнии сразу несколько царственных особ? Впрочем, для этого тощего стража порядка испанской столицы хватило бы громов одной Валентины. Последняя только что перестала метать их на голову несчастного офицера.

– Это я еще пожалела тебя, придурок, – процедила она сквозь зубы, протягивая руки за своими законными трофеями, – больно уж ты похож на другого...

– Придурка? – спросила в душе Дездемона, приглядываясь к физиономии испанца, украшенной редкой бородкой.

Точно такая же, только нечесаная и постриженная не столь аккуратно, была у блистательного идадьго, рыцаря Печального образа Дон Кихота. Валентина (а, тем более, Виктор Николаевич) после общей победы над быком пребывала в некоторой эйфории, и потому не возмутилась, когда ее вежливо, но очень настойчиво пригласили в ближайший полицейский участок. И здесь Кошкина, не имевшая в своей жизни ни одного привода, поначалу держала себя весьма скромно, предоставив право объясняться с полицейскими законному супругу. Сама же – пока несчастный Николаич «экал» и «мекал» на вполне приличном испанском языке – решала нехитрую генеалогическую задачку. Мог ли этот офицер, в первое время важно хмуривший брови, быть потомком Дона Кехара, известного всему миру под именем, подсказанным ему Кошкиной? Сними сейчас с него кто полицейский мундир, да надень ржавые доспехи – и можно отправлять на бой с ветряной мельницей, который наши героини так и не увидели.

– А кто, – думала она, – тогда стал второй половинкой рода, закончившегося на этом придурке? Дульсинея Тобосская? Или спасенная отважным рыцарем Марсела нако-

нец-то поняла, что такое настоящая любовь?

– Почему «закончившегося»? – опять прервала ее неспешные построения неугомонная венецианка.

– Потому, – вслух, достаточно громко и очень зловеще, ответила ей Валентина Степановна, – что я сейчас этого «потомка» прикончу; вот этой самой шпагой, как бычка. Чтобы не тянул свои грязные руки к чужому добру!

*Безжалостное сердце, дикий нрав
Под нежной, кроткой, ангельской личиной
Бесславной угрожает мне кончиной
Со временем отнюдь добрей не став.*

Валентина добрей становиться не собиралась; хотя руки у офицера были чистыми, и они никуда не тянулись; лишь нервно отстукивали по столешнице костлявыми пальцами ритм все той же «Фламенко». Кошкина сейчас имела в виду его слова; точнее утверждение, что памятные, милые сердцу сразу шести дам молоток и шпага останутся здесь, в околоте, в качестве вещественных доказательств по делу...

– По какому «делу»? – грозные слова Валентины на испанском языке тоже не несли на себе ни малейшего намека на акцент, – я тебе сейчас такое дело «пришью»! Вот этой самой шпагой!

– А я молотком добавлю, – это рядом воспрял духом Виктор Николаевич.

– Дело о жестоком обращении с животными, – успел про-

лепетать офицер, «потомок Дон Кихота», – ведь у вас, донна Валентина, нет лицензии матадора?

Внезапно успокоившаяся русская донна расхохоталась, и достала из своей безразмерной сумочки другую «лицензию»; все ту же кредитную карточку, дна у которой, по уверениям соседа Николая Кирюхина, попросту не было. Такая лицензия свое дело сделала, и скоро Валентина в компании Виктора Николаевича, и подруг, успокаивала нервы в ближайшем ресторанчике. Горячие говяжьи отбивные (не из того ли самого быка?), щедро сдобренные бокалами местного вина, сделали атмосферу за столиком на двоих весьма благодушной; так что хозяин ресторанчика – пузатый улыбчивый испанец в белоснежном переднике – так и не узнал, какая гроза не разразилась здесь этим вечером, не разрушила старинные стены его заведения. Может, еще и потому, что покрасневшийся от сладкого, но очень коварного напитка Николаич в какой-то момент подмигнул сразу шестерым красавицам, и пообещал им в лице супруги сюрприз.

Женщины этим словом очень воодушевились; Валентина даже извлекла из закровов собственной памяти чьи-то стихотворные строки:

*– Как счастлив я, что скрашиваешь ты
Мой долгий век, исполненный печали!
Кого я вижу рядом? Не тебя ли,
В сиянии нетленной красоты...*

– Нет! – возразил было Николаич, – не это... (потом, разглядев в поскучневших за одно мгновение глазах супруги признаки начинавшейся грозы, поправился) не только это. Еще один сюрприз!

И тут же пожалел о собственной несдержанности. Как хорошо было сидеть здесь, на веранде, освещенной вечерними огнями испанской столицы, и неспешно тянуть из бокала терпкое вино, понимая, что эта сказка никогда не кончится; что теперь не нужно спешить куда-то, как большинству граждан Европейского союза вокруг, и... Его сладкая алкогольная нега была безжалостно растоптана; тело еще безжалостнее вздернуто на ноги, и чуть ли не под пинками сразу шестерых возлюбленных душ помчалось в отель, к обещанному сюрпризу. У Кошкина хватило-таки мужества не раскрыть по пути страшную тайну; тот самый сюрприз. Он, кстати, был совсем недорогим по меркам нынешнего финансового состояния семьи Кошкиных.

Виктор Николаевич успел во время полуденного отдыха своих неделимых половинок (сразу шестерых!) пробежаться по ближайшим бутикам; модную одежду и обувь он, как всякий нормальный мужик, пропустил. У витрины с ювелирными изделиями остановился, но, вздохнув, тоже шагнул мимо – прямо к дверям магазина оргтехники. И теперь с гордостью, и немалой долей тревоги (а вдруг Валюша не оценит старания, и разобьет этот гаджет о его макушку?) протянул жене шикарный ноутбук; естественно, розового цвета, с зо-

лоченым узором.

Валентина Степановна нахмурила было брови, но Дездемона с Дуньязадой уже тянули свои холеные ладошки к подарку; остальные потирали в нетерпении руки. Кассандра еще одарила Кошкина быстрым поцелуем в макушку, не дождавшуюся удара (устами Валентины Степановны, конечно), а затем первой воскликнула:

– Ну, давай, открывай, да подключай побыстрее. Сейчас мы посмотрим...

– Что? – спросил довольный Николаич, набирая на клавиатуре пароль доступа к интернет-связи, – что на этот раз?

– А вот что! – все та же Кассандра продекламировала строки, которые с самого утра будоражили воображение шестерки путешественниц:

*Разбить остаток жизни угрожает;
В тебе и мыслям суетнейшим кров
Так ты одно всех бед моих виною.*

Валентина, не обращая никакого внимания на лицо Николаича, действительно заполнившееся виною, в нетерпении выдернула из рук супруга ноутбук – как только в углу экрана появились квадратики, приглашающие к путешествию в невидимый, но такой богатый мир Интернета. Ее пальцы ловко пробежались по клавиатуре; на экране быстро росли строки, только что озвученные глубоким русско-греческим контральто.

Потом все семеро (Николаич самым первым) воскликнули:

– Франческо Петрарка! Сонеты и канцоны...

– Сонетов, кстати, – с микроскопической долей издевки протянул Кошкин, – аж триста шестьдесят шесть. Канцон поменьше...

Он не успел озвучить еще одно устрашающее для памяти Валентины число; последняя стараниями Дездемоны издала из могучей (и очень волнующей мужские взгляды) груди ликующий вопль. В коридоре раздался стук подошв – это со всех сторон к месту «ужасной трагедии» спешили служащие отеля. Первым в дверь, открытую служебным ключом, сунул голову хозяин, очень похожий на Николаса (прежде всего почтением, которое он выказывал русским постояльцам). Голова убедилась, что никакого смертоубийств в люксе не происходит; что двое супругов мирно, как голубки, устали в ноутбуки – каждый в свой – и исчезла. А неугомонная венецианка принялась тыкать пальцем Валентины в экран так мощно, что тот слетел с коленок Кошкиной на пол.

– Вот, – продолжила Дездемона в сильнейшем волнении, – читайте сами. Целых пять лет – с одна тысяча триста шестьдесят второго года по шестьдесят седьмой этот почтенный муж жил в Венеции; можно сказать, по соседству со мной! Летим туда; летим сегодня же!

*Благословенна ты, что, берег милый
Мне указав, надеждой обузда
Пыл буйной страсти – и меня спасла.*

– Вот именно, – проворчала вслух практичная и рассудительная Пенелопа, поднимая вместе с Валентиной «волшебный ящик» с ковра, – сейчас тебя, «обузданную надеждой», будем спасать. Сколько времени прошло между этим поэтом четырнадцатого века, и твоим первым появлением в мире? Три века? Четыре? И еще – ты бы дочитала, что тут говорится о Петрарке...

– А что говорится? – женщины опять прильнули общим взглядом к экрану.

Очень скоро из той же груди вырвался печальный вздох, тут же ставшим раздраженным, почти разгневанным.

– Это что же получается, – Валентина выпрямилась в полный рост и подперла кулаками бока (ноутбук снова оказался на ковре), – опять нам какого-то малахольного подсовывают?! Этот самый Петрарка только и делал, что вздыхал, да стишки писал Лауре, даме своего сердца. Больше двадцати лет при ее жизни, и еще лет десять после смерти. А сам даже не притронулся к ней! Да он и сам-то – посмотрите на портреты – вечно в каком-то бабском балахоне завернут. И в сонетах его по большей части одно нытье про смерть, да могилы. Ну, и про любовь, конечно. Но что это за любовь... да он, наверное, ни одной бабы даже за бочок не ущипнул?!

– Нет, – Пенелопа в это время подняла ноутбук, и продолжила чтение, – вон – у него и дочь незаконнорожденная была; она его вместе с мужем и похоронила. Одного дня старичок до семидесятилетия не дожил.

Валентина позволила усадить себя обратно в кресло; грозно и возмущенно попыттела, очень удачно изобразив паровоз, но все же кивнула милостиво Дездемоне, которая внутри ее души была готова разразиться безутешными рыданиями:

– Ну ладно, ладно... не реви. Давайте вместе учить эти сонеты, и эти... как их там?

– Канцоны, – быстро подсказал Николаич.

– А ты..., – взгляд супруги по прежнему был суровым; сейчас он буквально пригвоздил Кошкина к соседнему креслу, – получается, что ты не мне, а себе подарок сделал! Что-бы мы с девушками твой ноутбук не отобрали. За это будешь наказан.

Теперь губы Николаича предательски задрожали; он был готов покорно воспринять «страшное наказание» Валентины.

*Слезой, мольбой, любовью, я уверен,
Любое можно тронуть из сердца
Покончив навсегда с жестокосердьем.*

– Сейчас я буду учить стихи. Вот здесь, – рука Кошкиной плавно двинулась в сторону роскошного ложа, и там остано-

вилась, – а ты будешь гладить мне спинку!

Николаич вздохнул еще раз, теперь уже счастливо, и совсем скоро сидел на краешке кровати, и массировал женскую плоть, всегда волновавшую его. Очень скоро его руки скользнули ниже – там волнение его стало совсем нетерпимым. И, словно услышав его безмолвный призыв, Валентина, а вместе с ней и остальные красавицы, громко захлопнули крышку ноутбука. В-общем, этой ночью они успели выучить только пару сонетов Петрарки...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.